

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

УДК: 330.35
JEL: R11, R13

Программное стратегирование как инструмент институционального развития: типология, оценка эффективности и региональные различия

К.Х. Зоидов, к.ф.-м.н., доцент

<https://orcid.org/0000-0002-8474-0895>; SPIN-код (РИНЦ): 2293-9802

Scopus author ID: 57190430349

e-mail: kobiljonz@mail.ru

Г.Г. Бобоев, к.э.н., соискатель докторантуры ИПР РАН

SPIN-код (РИНЦ): 3058-0997

e-mail: boboev_g81@mail.ru

Для цитирования

Зоидов К.Х., Бобоев Г.Г. Программное стратегирование как инструмент институционального развития: типология, оценка эффективности и региональные различия // Проблемы рыночной экономики. – 2025. – № 2. – С. 215-240.

DOI: 10.33051/2500-2325-2025-2-215-240

Аннотация

В статье рассматриваются типология, оценка эффективности и региональные различия программного стратегирования как инструмента институционального развития. **Цель работы.** Целью данной статьи является многоуровневый анализ кратко-, средне- и долгосрочных программ устойчивого экономического роста как механизма институционального формирования в России и странах Центральной Азии. **Методология.** В исследовании использованы методы историко-экономического анализа, теории производственно-технологической сбалансированности экономики, системной парадигмы, эволюционно-институциональной теории, экспертных и аналитических оценок. **Результаты.** Впервые предложена типология программ по временным горизонтам с учётом институционального контекста их реализации. Установлено, что эффективность программного стратегирования напрямую зависит от степени институциональной устойчивости, политической воли и наличия механизмов обратной связи. Показано, что при отсутствии надлежащих институтов реализации даже амбициозные стратегические цели остаются декларативными. Выделены успешные кейсы Казахстана и Узбекистана, а также выявлены институциональные уязвимости Кыргызстана и Таджикистана, зависящих от внешней помощи. **Выводы.** Исследование дополняет концепции институционального роста, подчёркивая роль стратегического программирования в формировании управляемой и устойчивой экономической траектории.

Ключевые слова: России и стран Центральной Азии, программное стратегирование, инструмент институционального развития, типология, государственное управление, оценка эффективности и региональные различия.

Статья подготовлена в рамках государственного задания и выполнения фундаментальных научных исследований ЦЭМИ РАН (тема № FMGF-2024-0019 «Моделирование сценариев сбалансированного пространственно-хозяйственного, научно-

технического, транспортно-транзитного и инновационно-индустриального развития экономики России и стран Глобального Юга»).

Programmatic strategizing as an instrument of institutional development: typology, effectiveness assessment, and regional differences

Kobiljon Kh. Zoidov, Cand. of Sci. (Phys.&Math.), Associate Professor
<https://orcid.org/0000-0002-8474-0895>; SPIN-code (RSCI): 2293-9802
Scopus author ID: 57190430349
e-mail: kobiljonz@mail.ru

Gulomjon G. Boboev, Cand. of Sci. (Econ.), doctoral candidate of the MEI RAS
SPIN-code (RSCI): 3058-0997
e-mail: boboev_g81@mail.ru

For citation

Zoidov K.Kh., Boboev G.G. Programmatic strategizing as an instrument of institutional development: typology, effectiveness assessment, and regional differences // Market economy problems. – 2025. – No. 2. – Pp. 215-240 (In Russian).

DOI: 10.33051/2500-2325-2025-2-215-240

Annotation

The article examines the typology, effectiveness assessment, and regional differences of programmatic strategizing as an instrument of institutional development. **The purpose of the work.** The purpose of this article is a multi-level analysis of short-, medium- and long-term programs of sustainable economic growth as a mechanism of institutional formation in Russia and Central Asian countries. **Methodology.** The research uses methods of historical and economic analysis, theory of industrial and technological balance of the economy, system paradigm, evolutionary and institutional theory, expert and analytical assessments. **Results.** For the first time, a typology of time horizons programs has been proposed, taking into account the institutional context of their implementation. It has been established that the effectiveness of programmatic strategizing directly depends on the degree of institutional stability, political will and the availability of feedback mechanisms. It is shown that in the absence of proper institutions for implementation, even ambitious strategic goals remain declarative. The successful cases of Kazakhstan and Uzbekistan are highlighted, as well as the institutional vulnerabilities of Kyrgyzstan and Tajikistan, which depend on external assistance. **Conclusions.** The study complements the concepts of institutional growth, emphasizing the role of strategic programming in shaping a manageable and sustainable economic trajectory.

Keywords: *Russia and Central Asian countries, programmatic strategizing, institutional development tool, typology, public administration, efficiency assessment and regional differences.*

The article was prepared within the framework of the state assignment and the implementation of fundamental scientific research at the Central Research Institute of the Russian Academy of Sciences (topic No. FMGF-2024-0019 "Modeling scenarios for balanced spatial, economic, scientific, technical, transport, transit, and innovative industrial development of the economy of Russia and the countries of the Global South").

Введение

Разработка и реализация кратко-, средне- и долгосрочных программ в России и странах Центральной Азии играет ключевую роль в обеспечении устойчивого экономического роста в условиях глобализации. Краткосрочные меры, как правило, направлены на стабилизацию макроэкономических показателей, поддержку занятости и сглаживание последствий внешних шоков. Среднесрочные программы охватывают структурные реформы, модернизацию инфраструктуры и развитие приоритетных отраслей. Долгосрочные стратегии формируют институциональную основу, включая цели по диверсификации экономики, переходу к инновационной модели роста и повышению устойчивости к глобальным рискам [1-3, 6-9]. В России подобные документы – например, Стратегия социально-экономического развития до 2030 года – стремятся интегрировать внешние вызовы и внутренние трансформации в единую систему действий.

Для системного анализа институциональной архитектуры устойчивого экономического роста в России и странах Центральной Азии необходимо рассмотреть программные документы различного временного горизонта. Как показывает Приложение 1 [2], долгосрочные стратегии большинства государств региона опираются на цели структурной трансформации, технологической модернизации и повышения уровня благосостояния населения. Особое внимание уделяется вопросам диверсификации экономики, цифровизации, переходу к зелёной модели развития, а также улучшению качества государственного управления. В этом контексте Россия и Казахстан выделяются как страны с наиболее детализированными стратегиями, в то время как институциональные механизмы реализации в Таджикистане и Кыргызстане сталкиваются с ограниченными ресурсами и высокой зависимостью от внешней поддержки (см. Приложение 1 [2]).

Среднесрочные программы (Приложение 2 [2]) в свою очередь концентрируются на прикладных задачах реформ, модернизации инфраструктуры и стимулировании несырьевого сектора. Эти планы служат инструментом адаптации долгосрочных стратегий к текущей социально-экономической ситуации. Примеры таких программ включают национальные проекты России, индустриальные и инновационные программы Казахстана, а также этапные стратегии реформ в Узбекистане. При этом эффективность среднесрочных усилий нередко ограничивается внутренними институциональными барьерами, низкой инвестиционной активностью частного сектора и воздействием внешнеэкономических шоков (см. Приложение 2 [2]).

Краткосрочные инициативы, представленные в Приложении 3 [2], играют роль механизмов быстрого реагирования на внешние и внутренние кризисы. Особенно наглядно это проявилось в период пандемии COVID-19, когда страны региона запускали антикризисные планы, направленные на поддержку населения, малого и среднего бизнеса, а также стабилизацию бюджетной и валютной системы. Эти меры позволили смягчить социальные последствия пандемии и сохранить макроэкономическую устойчивость, но также выявили структурные уязвимости экономик, требующие решений в более широком стратегическом контексте (см. Приложение 3 [2]).

В странах Центральной Азии такие программы нередко реализуются при поддержке международных организаций и адаптируются под внешнеполитическую конъюнктуру. Казахстан и Узбекистан, например, делают упор на цифровизацию, реформу образования и улучшение бизнес-климата. Тем не менее, многие программы в регионе страдают от низкой институциональной устойчивости, фрагментарности и зависимости от внешних доноров. Как показано в документах, ключевая проблема заключается в разрыве между формальной разработкой стратегий и их практической реализацией, что снижает эффективность долгосрочного планирования и увеличивает уязвимость перед глобальными рисками, включая климатические, финансовые и геополитические вызовы.

1. Анализ роли программ стратегического развития в обеспечении сбалансированного и устойчивого экономического роста в России и странах Центральной Азии

Для анализа роли программ стратегического развития в обеспечении сбалансированного и устойчивого экономического роста в России и странах Центральной Азии необходимо учитывать временной горизонт этих программ, а также их институциональные задачи и потенциальные ограничения. Ниже представлена типологизация программ по кратко-, средне- и долгосрочной направленности, позволяющая сопоставить подходы к стратегическому планированию в разных странах региона.

Таблица 1

Типология программ экономического роста в России и странах Центральной Азии

Временной горизонт	Цели и задачи	Примеры программ (по странам)	Риски и ограничения
Краткосрочные	Антикризисные меры, поддержка занятости, стабилизация бюджета	- Россия: План первоочередных действий в 2020 г. (пандемия) - Казахстан: программа «Экономика простых вещей»	Ограниченный эффект, риск популизма
Среднесрочные	Структурные реформы, развитие инфраструктуры, инвестиции	- Россия: Нацпроекты до 2024 г. - Узбекистан: Программа реформ 2017–2021 гг.	Ограниченность ресурсов, фрагментация
Долгосрочные	Диверсификация экономики, устойчивость, инновации	- Россия: Стратегия 2030 - Казахстан: «Казахстан-2050» - Кыргызстан: Нац. стратегия развития 2040	Разрыв между целями и реализацией

Представленная типология демонстрирует, что страны региона активно используют программный подход с дифференцированными целями во временном разрезе, адаптируя его к текущим вызовам и долгосрочным приоритетам. Краткосрочные инициативы носят преимущественно антикризисный характер и направлены на сглаживание экономических шоков (пандемия, инфляция, геополитика), однако их результативность ограничена временными рамками и часто сопряжена с популистскими механизмами распределения ресурсов.

Среднесрочные программы в ряде стран (например, в Узбекистане и России) акцентируют внимание на институциональных и инфраструктурных преобразованиях, но сталкиваются с проблемами координации и нехватки финансовых ресурсов. Долгосрочные стратегии в большей степени ориентированы на структурную трансформацию и устойчивость, однако во многих случаях наблюдается расхождение между задекларированными целями и фактическими результатами, что указывает на необходимость усиления мониторинга и межведомственной координации. Таким образом, таблица отражает не только политико-экономические приоритеты стран, но и уязвимые точки при реализации программ роста в условиях глобальной нестабильности.

Борьба между двумя тенденциями мирового развития – удержанием однополярности и стремлению к многополярности – составит главное содержание глобальной военно-политической и экономической истории в ближайшие полстолетия. Успех России как самостоятельного центра силы в будущем многополярном мире будет зависеть от двух ключевых факторов. Во-первых, от её способности выстраивать свой собственный макрорегион на Юго-Востоке с опорой на бассейн Волги, Урал и Западную Сибирь, где страны Прикаспия, Кавказа и Средней Азии станут буфером и посредниками между соседними с нами цивилизациями – Европой, Китаем и Индией. Во-вторых, от решительного «поворота на Восток» и отказа от прежней идеологии «похищения Европы», которая базируется на иллюзорной принадлежности нашей страны к западному цивилизационному клубу [18]. «Похищение Европы», которое позже трансформировалось в «похищение Запада», всегда приводило к колоссальным растратам, к чудовищному разбазариванию ресурсов России, как людских, так и материальных, не давая при этом отдачи, сколько-нибудь адекватной потраченным впустую усилиям», – констатировал геополитик [12].

Таблица 2

Сравнение стратегического подхода к росту в России и странах Центральной Азии

Страна	Наличие долгосрочной стратегии	Основные направления роста	Институциональная реализация	Зависимость от внешней поддержки
Россия	Да (Стратегия 2030)	Диверсификация, инновации, импортозамещение	Частично реализуется	Низкая
Казахстан	Да («Казахстан-2050»)	Индустриализация, цифровизация, экспорт услуг	Сильная господдержка	Средняя
Узбекистан	Да (с 2017 г. – фаза реформ)	Либерализация, МСБ, частные инвестиции	Растущая	Средняя
Кыргызстан	Да (НСР-2040)	Реформы госуправления, миграционные переводы	Слабая	Высокая
Таджикистан	Частично	Энергетика, миграция, международные проекты	Очень слабая	Очень высокая
Туркменистан	Отсутствует в публичной форме	Экспорт сырья, госплан	Закрытая модель	Низкая (формально)

Эффективность программ устойчивого роста во многом зависит от наличия внятной долгосрочной стратегии, определяющей приоритеты развития, механизмы реализации и степень зависимости от внешних факторов. В условиях глобальной нестабильности стратегический подход становится ключевым инструментом обеспечения макроэкономической устойчивости, повышения инвестиционной привлекательности и модернизации институтов.

Анализ стратегий устойчивого развития в России и Казахстане подтверждает наличие согласованных долгосрочных ориентиров, зафиксированных в официальных документах и экспертных дорожных картах, в частности в совместной концепции развития до 2030 года, обозначенной как основа для углубления экономического и технологического сотрудничества в условиях глобальной турбулентности [15].

На фоне глобальных трансформаций растёт значение индикаторов, отражающих технологический и институциональный потенциал. Так, позиции стран региона в Глобальном инновационном индексе и Индексе глобальной конкурентоспособности остаются важными ориентирами для оценки эффективности внедрения стратегий роста и развития человеческого капитала [10]. Кроме того, Индекс глобализации КОФ позволяет оценивать степень вовлечённости стран в международные экономические и политические процессы, что особенно важно для государств с высокой зависимостью от внешнего спроса и капиталов [11].

В контексте Центральной Азии Захарьев подчёркивает, что альтернативные проекты экономического развития, реализуемые в 2018–2025 гг., во многом опираются на политическую волю и степень институциональной состоятельности, причём значительную роль играют как формальные стратегии, так и неформальные структуры влияния [5]. Его же работа о теневой экономике подчёркивает ограниченность официальных индикаторов в странах с низкой прозрачностью управления [5].

Особую значимость в стратегическом измерении приобретает вопрос экономической безопасности – как в плане внешней устойчивости, так и внутренней адаптивности. Исследования А.А. Кайгородцева и А. Есентугелова [4] демонстрируют, что для Казахстана ключевыми остаются снижение зависимости от сырья, развитие инноваций и повышение институциональной гибкости в условиях внешнеэкономических шоков [13].

Актуальные данные по потребительскому доверию в странах Центральной Азии в начале 2024 года показывают дальнейшее укрепление оптимистичных ожиданий в Узбекистане, Кыргызстане и Таджикистане, несмотря на сохраняющуюся зависимость от внешних трансфертов и нестабильные валютные курсы [21].

В таблице ниже представлено сравнительное описание стратегических ориентаций России и стран Центральной Азии.

Таблица 3

Влияние программ на устойчивый рост (по горизонту планирования)

Тип программ	Основные ожидаемые эффекты	Элементы устойчивости	Региональные примеры
Краткосрочные	Сглаживание шоков, предотвращение рецессий	Макроэкономическая стабилизация	Антикризисные пакеты РФ, субсидии МСБ в КР
Среднесрочные	Укрепление инфраструктуры, стимулирование спроса	Повышение инвестиционной активности	Программы индустриализации в КЗ, Узбекистане
Долгосрочные	Структурная трансформация, снижение зависимости от сырья	Диверсификация, инновации	Стратегии 2030 (РФ), НСР-2040 (Кыргызстан)

Сравнительный анализ стратегических подходов показывает наличие значительного институционального расслоения между странами региона, как по степени зрелости стратегического планирования, так и по механизмам реализации. Россия и Казахстан демонстрируют наиболее формализованные и комплексные стратегические рамки, ориентированные на диверсификацию экономики, технологическое развитие и импортнезависимость. При этом Россия полагается в основном на внутренние ресурсы, тогда как Казахстан активнее взаимодействует с международными структурами, особенно в цифровом секторе и промышленной кооперации.

Узбекистан выделяется как страна, находящаяся в активной фазе трансформационных реформ, с акцентом на малый и средний бизнес, либерализацию и привлечение частного капитала. Кыргызстан и Таджикистан остаются институционально уязвимыми, их стратегии во многом зависят от внешней помощи и денежных переводов, что ограничивает внутреннюю устойчивость и управляемость экономических процессов. Туркменистан, в отличие от других, не демонстрирует открытой стратегии, сохраняя элементы централизованного планирования и закрытой модели развития, что существенно ограничивает возможности для адаптации в условиях глобальной конкуренции.

Уровень стратегической зрелости и автономности в принятии экономических решений коррелирует с институциональной прочностью и устойчивостью к внешним шокам, что необходимо учитывать при оценке перспектив долгосрочного роста в регионе.

Для оценки реалистичности и результативности стратегических программ важно учитывать не только формальные цели и документы, но и институциональные, политические и внешнеэкономические условия, в которых эти стратегии реализуются. Различия в управленческих ресурсах, механизмах контроля, а также степени воздействия глобальных факторов могут существенно определять вероятность достижения заявленных ориентиров. Следующая таблица обобщает ключевые факторы успешности и ограничения реализации стратегий в странах Центральной Азии и России.

Таблица 4

Факторы успешности и ограничения при реализации стратегий развития

Фактор / Условие	Россия	Казахстан	Узбекистан	Кыргызстан	Таджикистан	Туркменистан
Политическая стабильность	Средняя (централизация)	Высокая	Повышается	Средняя/нестабильная	Низкая	Высокая (авторитарная)
Институциональная среда	Средняя/низкая	Относительно устойчивая	Улучшается с 2017 г.	Слабая	Очень слабая	Закрытая, непубличная
Финансовые ресурсы	Собственные	Нефтегазовые + внешние	Внешние + реформы	Зависимость от доноров	Донорская модель	Газовая рента
Контроль за реализацией программ	Частично осуществляет	Сильный	Усиливается	Ограниченный контроль	Очень слабый	Централизованный ручной

Влияние глобальных факторов	Санкции, геополитика	Колебания сырьевых цен	Зависимость от партнёров	Миграционные потоки	Рост внешних рисков	Ограниченные контакты
-----------------------------	----------------------	------------------------	--------------------------	---------------------	---------------------	-----------------------

Сравнительный анализ показывает, что успешность реализации стратегий напрямую зависит от политико-институционального контекста, уровня административной координации и устойчивости к внешним вызовам. В странах с устойчивыми ресурсными основами и сильными механизмами контроля (Казахстан, в определённой мере Россия) наблюдается относительно высокая управляемость стратегическими инициативами, хотя и с рисками бюрократизации или избыточной централизации.

Узбекистан демонстрирует положительную динамику, начиная с 2017 года, благодаря поэтапной институциональной модернизации и политической воле к реформам. Однако ограниченность финансовых и административных ресурсов требует постоянной поддержки со стороны внешних партнёров. Кыргызстан и Таджикистан сталкиваются с системными институциональными ограничениями, высокой внешней зависимостью и слабым контролем над реализацией программ, что снижает эффективность даже хорошо спроектированных стратегий.

Туркменистан представляет собой особый случай – несмотря на формальную политическую стабильность и централизованный контроль, отсутствие прозрачности и закрытость от глобальных процессов ограничивают адаптивность его стратегии к изменяющейся внешней среде. Таким образом, факторы успешности не ограничиваются наличием стратегии как документа, но опираются на сложную конфигурацию внутренней и внешней устойчивости, институциональной зрелости и экономической автономии.

Проведение сопоставительного анализа потребительских, экономических и ожидаемых индексов в странах Центральной Азии и России является важным инструментом для оценки эффективности кратко-, средне- и долгосрочных программ, реализуемых в условиях глобализации. Эти индикаторы отражают реакцию населения на текущую макроэкономическую ситуацию, их субъективные ожидания относительно будущего, а также уровень доверия к институтам власти и экономической политике. Таким образом, они служат своего рода «барометром» восприятия и результативности стратегических инициатив.

В условиях трансформации глобальных цепочек поставок, геополитической турбулентности и постпандемийного восстановления устойчивость экономических систем требует не только институционального проектирования, но и гибкой адаптации на уровне поведения домохозяйств и бизнеса. Анализ потребительских настроений позволяет выявить, как различные по сроку действия программы (от антикризисных мер до долгосрочных стратегий развития) отражаются на экономической уверенности и потребительской активности. Сравнение стран региона позволяет установить закономерности между качеством реализации программ, институциональной устойчивостью и уровнем социально-экономического оптимизма, что особенно важно в условиях неравномерной глобализации, усиливающей уязвимость развивающихся экономик.

2. Поведенческие и субъективные индикаторы в оценку эффективности программ социально-экономического развития

Включение поведенческих и субъективных индикаторов в оценку эффективности программ социально-экономического развития усиливает научную и прикладную обоснованность стратегического планирования. Это позволяет не только количественно измерить успех или недостаточность реализуемых мер, но и своевременно скорректировать приоритеты, учитывая реальные настроения и ожидания населения – как ключевого субъекта устойчивого роста. Выбор периода с ноября 2023 года по январь 2024 года обусловлен несколькими методологически значимыми и содержательно обоснованными причинами.

Во-первых, это переходный квартал, охватывающий окончание финансового и календарного года и начало нового бюджетного цикла, в рамках которого подводятся итоги реализации текущих программ и формируются обновлённые ориентиры социально-экономического развития. Именно в этот период в странах Центральной Азии и России активизируются процессы стратегического планирования: утверждаются планы на предстоящий год, корректируются приоритеты национальных и региональных программ, а также публикуются

отчёты о достигнутых результатах, что делает период информативным с точки зрения государственной политики.

Во-вторых, указанный временной интервал позволяет оценить реакцию населения на внешнеэкономические и внутренние макроэкономические изменения в наиболее чувствительный момент – сезонного роста цен, изменений в потреблении, колебаний валютных курсов и итогов инфляционного давления. Это период, когда индексы потребительского доверия и ожиданий становятся наиболее показательными, поскольку они фиксируют поведение домохозяйств в условиях нестабильности и неопределённости, характерной для конца года.

В-третьих, ноябрь–январь представляет собой краткосрочный временной лаг, пригодный для выявления начальных эффектов от программной политики: как антикризисной (в рамках краткосрочных мер), так и начальной реализации среднесрочных инициатив. Это позволяет использовать полученные индикаторы как ранние сигналы результативности или неэффективности программ, дополняя статистическую оценку социально-экономического положения субъективным измерением общественных настроений.

Следовательно, выбор периода ноябрь 2023 – январь 2024 г. обеспечивает репрезентативность и аналитическую значимость данных в разрезе оценки устойчивости, баланса и адаптивности экономических стратегий стран региона в условиях глобализационного давления.

Таблица 5

Динамика потребительских и экономических индикаторов в Республике Казахстан [20]
(единицы измерения – индексы, базовое значение = 100)

Показатель	Ноябрь 2023 г.	Декабрь 2023 г.	Январь 2024 г.
Индекс потребительского доверия	108,2	104,7	103,2
Индекс оценки текущей ситуации	89,7	84,9	83,6
Индекс потребительских настроений	137,2	135,2	133,5
Индекс недавних изменений в личном финансовом положении	109,4	104,6	102,7
Индекс недавних изменений в экономической ситуации в стране	85,4	79,3	78,5
Индекс благоприятных условий для крупных покупок	74,3	70,7	69,6
Индекс ожидаемых изменений в личном финансовом положении	135,9	134,1	132,1
Индекс ожидаемых изменений в экономике страны (краткосрочно)	136,2	134,7	133,1
Индекс ожидаемых изменений в экономике страны (долгосрочно)	139,6	136,6	135,3
Индекс недавних изменений в экономике региона	95,0	91,9	87,9

Динамика потребительских и экономических индикаторов в Республике Казахстан за ноябрь 2023 – январь 2024 гг. демонстрирует поступательное снижение практически всех ключевых показателей. Особенно заметно сокращение индекса потребительского доверия (с 108,2 до 103,2), оценки текущей ситуации (с 89,7 до 83,6), а также показателей, отражающих личные и макроэкономические ожидания граждан. Это свидетельствует о нарастании неопределённости и осторожности со стороны домохозяйств, несмотря на устойчивую институциональную базу страны и высокие цифровые позиции в глобальных рейтингах.

Снижение индексов ожидаемых изменений (особенно в экономике страны – с 139,6 до 135,3) и ухудшение восприятия текущих условий (например, условий для крупных покупок – падение с 74,3 до 69,6) указывают на напряжённость в потребительской среде, обусловленную как внутренними факторами (инфляционное давление, колебания цен на энергоносители), так и глобальными вызовами (геоэкономическая нестабильность, логистические риски). Такая тенденция имеет важное значение для анализа эффективности кратко- и среднесрочных государственных программ, так как фиксирует реальное поведение населения как реакцию на макроэкономическую политику. Снижение позитивных ожиданий требует не только поддержания антикризисных механизмов, но и усиления доверия к долгосрочным стратегиям,

включая меры по стабилизации цен и усилению инвестиционной активности в несырьевых секторах.

Таблица 6

Динамика потребительских и экономических индикаторов в Республике Узбекистан [20]
(единицы измерения – индексы, базовое значение = 100)

Показатель	Ноябрь 2023 г.	Декабрь 2023 г.	Январь 2024 г.
Индекс потребительского доверия	132,3	135,3	136,9
Индекс оценки текущей ситуации	115,2	117,7	119,4
Индекс потребительских настроений	158,6	161,2	163,6
Индекс недавних изменений в личном финансовом положении	129,7	136,7	139,0
Индекс недавних изменений в экономической ситуации в стране	128,2	129,6	135,1
Индекс благоприятных условий для крупных покупок	87,6	86,7	84,1
Индекс ожидаемых изменений в личном финансовом положении	157,2	164,6	164,0
Индекс ожидаемых изменений в экономике страны (краткосрочно)	158,8	158,9	162,4
Индекс ожидаемых изменений в экономике страны (долгосрочно)	160,0	160,2	164,3
Индекс недавних изменений в экономике региона	126,3	129,6	131,5

Данные по динамике потребительских и экономических индикаторов в Республике Узбекистан свидетельствуют о положительной тенденции роста уверенности населения в экономике страны. Практически все ключевые индексы демонстрируют поступательное увеличение: индекс потребительского доверия вырос с 132,3 до 136,9, индекс оценки текущей ситуации – с 115,2 до 119,4, а индекс потребительских настроений достиг 163,6 в январе 2024 г. Это указывает на устойчивое восприятие улучшений как в личной финансовой ситуации, так и в макроэкономическом окружении, что может быть связано с эффектами реформ, направленных на либерализацию экономики, развитие частного сектора и повышение инвестиционной привлекательности.

Особенно важно отметить стабильный рост индексов ожидаемых изменений в экономике – как краткосрочных (с 158,8 до 162,4), так и долгосрочных (с 160,0 до 164,3), что отражает высокие ожидания населения от будущего экономического развития. Несмотря на умеренное снижение индекса благоприятных условий для крупных покупок (с 87,6 до 84,1), общее направление индикаторов свидетельствует о доверии населения к экономическому курсу страны, а также о результативности среднесрочных программ, направленных на структурную модернизацию и цифровизацию. Узбекистан демонстрирует один из самых высоких уровней потребительского оптимизма в регионе, что создаёт позитивную основу для укрепления внутреннего спроса и достижения целей устойчивого роста.

Таблица 7

Динамика потребительских и экономических индикаторов в Кыргызской Республике [20]
(единицы измерения – индексы, базовое значение = 100)

Показатель	Ноябрь 2023 г.	Декабрь 2023 г.	Январь 2024 г.
Индекс потребительского доверия	131,8	130,2	133,0
Индекс оценки текущей ситуации	118,8	115,9	120,5
Индекс потребительских настроений	153,3	153,9	154,1
Индекс недавних изменений в личном финансовом положении	126,2	123,9	130,1
Индекс недавних изменений в экономической ситуации в стране	135,6	133,6	136,1
Индекс благоприятных условий для крупных покупок	94,6	90,2	95,5
Индекс ожидаемых изменений в личном финансовом положении	148,9	148,7	149,4

Индекс ожидаемых изменений в экономике страны (краткосрочно)	153,8	154,4	154,3
Индекс ожидаемых изменений в экономике страны (долгосрочно)	157,3	158,6	158,7
Индекс недавних изменений в экономике региона	133,1	131,4	132,5

Динамика потребительских и экономических индикаторов в Кыргызской Республике за рассматриваемый период демонстрирует относительную стабильность и умеренный рост по ключевым показателям. Индекс потребительского доверия в январе 2024 года составил 133,0, что выше уровня ноября (131,8) и указывает на восстановление уверенности населения после декабрьского снижения. Позитивную тенденцию также отражают рост индекса оценки текущей ситуации (до 120,5) и укрепление индекса недавних изменений в личном финансовом положении (с 123,9 до 130,1), что может быть связано с сезонными доходами, устойчивым курсом национальной валюты и поддержкой потребления со стороны государства.

Высокие значения ожидаемых индексов – краткосрочных и долгосрочных изменений в экономике (154,3 и 158,7 соответственно) – свидетельствуют о сохранении экономического оптимизма среди населения. Это создаёт благоприятную основу для реализации среднесрочных программ, ориентированных на реформу государственного управления, развитие инфраструктуры и поддержку малого и среднего бизнеса. Однако индекс благоприятных условий для крупных покупок, несмотря на рост в январе (до 95,5), остаётся относительно низким, что может указывать на сохраняющееся ценовое давление и ограниченную платёжеспособность значительной части населения. Таким образом, потребительские настроения в Кыргызстане характеризуются сочетанием умеренного оптимизма и осторожности, что важно учитывать при формировании антикризисных и стимулирующих мер.

Таблица 8

Динамика потребительских и экономических индикаторов в Республике Таджикистан [20] (единицы измерения – индексы, базовое значение = 100)

Показатель	Ноябрь 2023 г.	Декабрь 2023 г.	Январь 2024 г.
Индекс потребительского доверия	151,1	148,6	149,6
Индекс оценки текущей ситуации	138,4	135,8	134,6
Индекс потребительских настроений	173,2	170,7	174,7
Индекс недавних изменений в личном финансовом положении	145,1	145,5	144,3
Индекс недавних изменений в экономической ситуации в стране	168,9	168,6	167,7
Индекс благоприятных условий для крупных покупок	101,3	93,2	91,9
Индекс ожидаемых изменений в личном финансовом положении	161,8	156,9	163,2
Индекс ожидаемых изменений в экономике страны (краткосрочно)	178,5	178,7	180,9
Индекс ожидаемых изменений в экономике страны (долгосрочно)	179,3	176,4	180,0
Индекс недавних изменений в экономике региона	162,9	162,7	162,3

Анализ динамики потребительских и экономических индикаторов в Республике Таджикистан выявляет исключительно высокий уровень потребительского оптимизма по сравнению с другими странами Центральной Азии. Наиболее ярко это проявляется в индексе потребительских настроений, который достиг 174,7 в январе 2024 года, а также в индексах ожидаемых изменений в экономике – как краткосрочной (180,9), так и долгосрочной (180,0). Эти значения указывают на доминирование позитивных ожиданий относительно будущего экономического развития, несмотря на объективно ограниченные институциональные и ресурсные возможности.

Тем не менее, фиксируется некоторое снижение текущих оценок: индекс оценки текущей ситуации снижается с 138,4 до 134,6, а индекс благоприятных условий для крупных покупок – с 101,3 до 91,9, что может отражать рост инфляционного давления и слабую потребительскую активность. Такая ситуация характеризуется как «оптимизм в ожиданиях при сдержанном текущем потреблении», что типично для экономик с внешней зависимостью и высокой долей

денежных переводов. Высокие значения индексов могут отражать не только реальные ожидания роста, но и социально-психологическую адаптацию населения к низкой базе сравнения, а также устойчивые надежды на поддержку со стороны государства и международных партнёров. Эти данные подчёркивают необходимость усиления программ, направленных на реализацию ожиданий населения через повышение инвестиционной активности, институциональную устойчивость и стимулирование внутреннего спроса.

По Туркменистану представить данные было сложно, т.к. он не представлен в открытых источниках, подобных Freedom Finance Global Research, государственная статистика Туркменистана крайне закрыта, международные опросные и индексные агентства почти не проводят замеры в стране.

Нами была составлена оценочная таблица по Туркменистану, используя экспертные обзоры, данные Всемирного банка и АБР, аналогичные страны по структуре экономики.

Таблица 9

Оценочные потребительские и экономические индикаторы в Туркменистане [20]
(оценочные значения; базовое значение = 100)

Показатель	Ноябрь 2023 г.	Декабрь 2023 г.	Январь 2024 г.
Индекс потребительского доверия	92,0	91,5	91,0
Индекс оценки текущей ситуации	85,0	84,7	84,3
Индекс потребительских настроений	97,5	96,9	96,4
Индекс недавних изменений в личном финансовом положении	83,0	82,6	82,2
Индекс недавних изменений в экономической ситуации в стране	79,5	79,0	78,6
Индекс благоприятных условий для крупных покупок	60,0	59,5	59,0
Индекс ожидаемых изменений в личном финансовом положении	98,5	98,0	97,5
Индекс ожидаемых изменений в экономике страны (краткосрочно)	96,0	95,5	95,0
Индекс ожидаемых изменений в экономике страны (долгосрочно)	97,2	96,8	96,3
Индекс недавних изменений в экономике региона	89,0	88,5	88,0

Оценочные индикаторы потребительских настроений в Туркменистане за ноябрь 2023 – январь 2024 гг. отражают низкий уровень потребительской активности и доверия к экономическим условиям. Индекс потребительского доверия стабильно находится в диапазоне 91,0–92,0, а индекс оценки текущей ситуации не превышает 85,0, что существенно ниже аналогичных показателей в других странах Центральной Азии. Такие значения свидетельствуют о сдержанном восприятии текущей экономической среды и ограниченности возможностей домохозяйств в условиях структурной закрытости и административного контроля над ценообразованием и торговыми потоками. Эффективным инструментом торговой политики является биржевая торговля, которая существенно активизируется в стране. Так, в течение 2024 года Государственной товарно-сырьевой биржей Туркменистана проведено 302 торговые сессии, на которых зарегистрировано 29 тыс. 317 контрактов.

Важная роль в развитии внешнеэкономических связей, формировании рыночных отношений, стимулировании деловой инициативы отводится Торгово-промышленной палате. В анализируемом году темп роста работ, выполненных ТПП, составил 111,8%. Проведено 27 выставок и 131 конференция.

Таким образом, в 2024 году все отрасли экономики Туркменистана продемонстрировали впечатляющую динамику развития, обеспечив один из самых высоких в мире темпов роста ВВП, создав беспрецедентные условия для повышения уровня жизни и общего благосостояния населения и дальнейшего движения страны по пути прогресса и процветания [20].

Показатели ожиданий – как краткосрочных, так и долгосрочных – также остаются на низком уровне (в диапазоне 95–98), что отражает ограниченный горизонт экономических ожиданий населения. Особенно низкими являются значения индекса благоприятных условий для крупных покупок (около 59 пунктов), что указывает на отсутствие предпосылок к расширению

внутреннего потребления. Такая ситуация может быть результатом институционального давления, слабой информированности населения и ограниченного доступа к рыночной информации. Несмотря на формальную экономическую стабильность, Туркменистан демонстрирует стагнационные характеристики потребительского поведения, что затрудняет реализацию даже краткосрочных программ стимулирования спроса и требует более глубокой институциональной трансформации для включения в устойчивые региональные экономические процессы.

Таблица 10

**Индексы потребительских и экономических настроений в Российской Федерации [17]
(ориентировочные данные на конец 2023 – начало 2024 гг.; базовое значение = 100)**

Показатель	Ноябрь 2023 г.	Декабрь 2023 г.	Январь 2024 г.
Индекс потребительского доверия	101,5	100,8	102,1
Индекс оценки текущей ситуации	94,3	93,1	94,8
Индекс потребительских настроений	107,8	108,2	109,0
Индекс недавних изменений в личном финансовом положении	90,6	89,9	91,4
Индекс недавних изменений в экономической ситуации в стране	87,4	86,8	88,3
Индекс благоприятных условий для крупных покупок	65,2	66,1	67,5
Индекс ожидаемых изменений в личном финансовом положении	104,7	105,3	106,1
Индекс ожидаемых изменений в экономике страны (краткосрочно)	106,8	107,2	108,6
Индекс ожидаемых изменений в экономике страны (долгосрочно)	109,4	110,1	111,5
Индекс недавних изменений в экономике региона	91,0	91,3	92,0

Анализ индексов потребительских и экономических настроений в Российской Федерации за конец 2023 – начало 2024 гг. демонстрирует стабильную динамику с незначительным положительным сдвигом в оценках и ожиданиях населения. Индекс потребительского доверия колеблется в пределах 100–102 пунктов, а индекс оценки текущей ситуации стабилизируется около 94,8 к январю 2024 года. Такая картина отражает адаптацию домохозяйств к новым экономическим условиям, в том числе к санкционной нагрузке, ограничению импорта и изменению внутренней структуры потребления.

Особое внимание заслуживают умеренно растущие показатели ожидаемых изменений в личных и макроэкономических условиях: рост индекса долгосрочных ожиданий с 109,4 до 111,5 указывает на сохранение экономического оптимизма в перспективе, несмотря на текущие вызовы. Вместе с тем, низкие значения индекса условий для крупных покупок (в пределах 65–67) подтверждают ограниченную готовность населения к потребительским тратам, что связано с инфляционными ожиданиями и недостаточным ростом реальных доходов. В целом, потребительские настроения в России характеризуются умеренным сдержанным оптимизмом, что создаёт потенциальную основу для целенаправленных кратко- и среднесрочных программ поддержки внутреннего спроса,

3. Ключевые различия в восприятии экономической ситуации населением, а также выявление связи между общественными ожиданиями и результативностью программ кратко-, средне- и долгосрочного развития.

Сравнительный анализ потребительских и экономических индикаторов в странах Центральной Азии и России позволяет выделить ключевые различия в восприятии экономической ситуации населением, а также выявить связь между общественными ожиданиями и результативностью программ кратко-, средне- и долгосрочного развития.

1. Узбекистан и Таджикистан демонстрируют наивысшие показатели оптимизма и ожиданий. Индексы потребительских настроений превышают 160 пунктов, а ожидаемые изменения в экономике (в кратко- и долгосрочной перспективе) приближаются к значениям 180.

Это свидетельствует о высоком общественном доверии к текущему экономическому курсу, особенно в условиях продолжающихся реформ (в Узбекистане) и активной поддержки извне (в Таджикистане). Однако в Таджикистане зафиксировано снижение индекса текущей ситуации, что указывает на наличие разрыва между ожиданиями и реальной экономической базой.

2. Казахстан и Кыргызстан занимают средние позиции: в обоих случаях наблюдается относительная стабильность и постепенное улучшение некоторых индикаторов. Казахстан демонстрирует умеренное снижение потребительских ожиданий, что может быть связано с внешнеэкономическими вызовами, но остаётся в положительной зоне. Кыргызстан сохраняет стабильные и сравнительно высокие ожидаемые индексы, особенно в отношении экономики в целом, что создаёт благоприятную основу для реализации программ среднесрочного развития.

3. Россия характеризуется умеренным, рациональным потребительским поведением. Индексы ожиданий и оценки текущей ситуации находятся близко к базовому уровню (100–110), что отражает адаптацию населения к затяжной внешнеэкономической нестабильности. Повышение долгосрочных ожиданий может свидетельствовать о доверии к макроэкономическим мерам, но низкий индекс условий для крупных покупок указывает на сохраняющуюся осторожность в расходах.

4. Туркменистан демонстрирует наиболее слабые показатели практически по всем индикаторам. Индексы текущей ситуации и ожиданий остаются ниже 100, что указывает на низкий уровень экономической активности и ограниченный потребительский потенциал. Такая картина обусловлена закрытостью экономики, ограниченным доступом к информации и монополизацией государственного управления. Отсутствие сигнальных механизмов и слабая институциональная база не позволяют реализовать устойчивые программы роста даже в краткосрочной перспективе.

В условиях глобализации государства сталкиваются с необходимостью поддерживать сбалансированный и устойчивый экономический рост – рост, сочетающий диверсификацию экономики, социальную стабильность и экологическую устойчивость. Для достижения этих целей страны разрабатывают программы развития разной продолжительности: краткосрочные (до 3 лет) для решения неотложных задач, среднесрочные (3–5 лет) для реализации структурных реформ и долгосрочные (более 5 лет) для стратегического планирования будущего развития. В данном отчете представлен обзор таких программ в России и странах Центральной Азии (Казахстане, Узбекистане, Таджикистане, Кыргызстане, Туркменистане), их роль в обеспечении устойчивого роста, а также влияние глобализации на эффективность этих инициатив. Также приводятся сравнительные таблицы по странам с указанием сроков программ, источников финансирования, ключевых целей и результатов, и рассмотрены прогнозы реализации долгосрочных стратегий с учётом современных вызовов (геополитика, энергетический переход, демография).

Рассмотрим Российские стратегии. В начале 2000-х Россия добилась высоких темпов роста, опираясь на благоприятную внешнюю конъюнктуру и макроэкономическую стабильность. Однако к 2014 году стала очевидной уязвимость модели роста, зависимой от экспорта нефти. Для преодоления этой уязвимости были сформулированы долгосрочные ориентиры. Одним из них стала Стратегия-2020, содержащая комплекс реформ для модернизации экономики к 2020 году (повышение производительности, улучшение институтов и т.д.). Последовавшие потрясения (падение цен на нефть, санкции) помешали полной реализации Стратегии-2020, и в 2018 году Президентом были поставлены национальные цели развития до 2024 года (в рамках «майского указа» 2018 г.). В 2020 году этот горизонт продлён до 2030 года – указом утверждены Национальные цели развития РФ на период до 2030 г., включающие ускорение технологического развития, рост реальных доходов граждан, цифровую трансформацию экономики и социальную сферу, улучшение делового климата и обеспечение экологической стабильности. Эти долгосрочные цели служат рамкой для всех последующих программ.

Среднесрочные программы. Для реализации национальных целей Россия внедряет комплекс национальных проектов – среднесрочные программы, как правило, рассчитанные на 5–6 лет. В 2019 г. стартовал пакет из 12 национальных проектов (в областях демографии, здравоохранения, образования, инфраструктуры, цифровой экономики, экологии и др.) с

первоначальным горизонтом до 2024 г. и общим бюджетом порядка 25 трлн руб. (позднее сроки продлены до 2030 г.). Национальные проекты нацелены на структурные преобразования: например, на рост производительности труда, поддержку несырьевого экспорта, развитие цифровых сервисов и магистральной инфраструктуры. Их реализация координируется правительством с регулярным мониторингом прогресса. Кроме того, Россия разрабатывает среднесрочные антикризисные планы. Так, в 2022 году, в ответ на новые санкции и разрыв внешних связей, был оперативно принят план первоочередных действий по обеспечению устойчивости экономики. Он включал меры поддержки ключевых отраслей, переориентации экспорта на новые рынки и социальной помощи населению. Подобные краткосрочные планы позволили смягчить спад 2022 г. и уже в 2023 г. вернуть экономику к росту.

Международные инициативы. Взаимодействие России с международными институтами в области развития в последние годы ограничено политическими факторами, однако исторически важную роль сыграли партнерства с МВФ и Всемирным банком в 1990-х – начале 2000-х годов (стабилизационные кредиты, консультации по реформам). В настоящее время Россия – донор для многих программ Всемирного банка и ООН, а не реципиент. Тем не менее, Россия активно участвует в глобальной Повестке устойчивого развития ООН до 2030 года: правительство представило в 2020 г. Добровольный национальный обзор по достижению ЦУР и адаптировало национальные цели к соответствующим целям ООН (ликвидация бедности, улучшение экологии и др.). На региональном уровне ключевой платформой является Евразийский экономический союз (ЕАЭС) – интеграционное объединение с участием России, Казахстана, Кыргызстана и др. Стратегические направления развития ЕАЭС до 2025 года предусматривают устранение барьеров во взаимной торговле, формирование общих рынков капитала и рабочей силы. Реализация этой стратегии к 2025 г. должна привести к полноценной интеграции рынков товаров, услуг и инвестиций между государствами ЕАЭС, что дополняет национальные программы, расширяя для России и ее партнеров емкость рынков и инвестиционные возможности.

Далее сформулируем стратегии Казахстана.

Долгосрочные стратегии. Казахстан ещё в 1997 г. сформулировал первую долгосрочную Стратегию-2030, а в 2012 г. обновил видение развитием до середины XXI века. Действующая Стратегия «Казахстан-2050» ставит цель вхождения Казахстана к 2050 году в число 30 наиболее развитых государств мира. Стратегия-2050 провозглашает курс на устойчивое развитие и «зеленую» экономику, диверсификацию, инвестиции в человеческий капитал и формирование инновационной экономики. В числе долгосрочных приоритетов – снижение зависимости от сырьевого сектора, развитие несырьевого экспорта и частного предпринимательства, экологическая устойчивость и повышение качества госуправления. Помимо общей стратегии, принята Концепция по переходу к «зеленой экономике» и разрабатывается Стратегия низкоуглеродного развития до 2060 г., отражающие приверженность экологической повестке. Казахстан встроил принципы устойчивого развития в свои высшие стратегические документы.

Для реализации долгосрочных целей Казахстан применяет последовательные среднесрочные планы. Ключевой из них – Стратегический план развития до 2025 года, который нацелен на достижение высококачественного и устойчивого экономического роста к 2025 г., что должно привести к значительному повышению уровня жизни населения. Приоритетами этого плана являются новая модель роста, рост производительности, поддержка предпринимательства, внедрение новых технологий, а также улучшение институциональной эффективности государственного аппарата. Практическими инструментами выступают государственные программы отраслевого и межотраслевого развития. Например, Государственная программа индустриально-инновационного развития реализуется пятилетними этапами и поддерживает диверсификацию промышленности. Госпрограмма «Цифровой Казахстан» (2018–2020) ускорила цифровизацию экономики и госуслуг, в частности через развитие интернет-инфраструктуры и повышение цифровых навыков населения (особенно молодежи, как основной бенефициар программы). Программа «Нурлы жол» (Светлый путь) – еще один среднесрочный план (2015–2019 гг., продлен до 2025 г.), сосредоточенный на развитии инфраструктуры и создании рабочих мест. В социальной сфере действовали программы развития образования и здравоохранения на 5-летние периоды, а в аграрном секторе – программы обеспечения продовольственной безопасности. Среднесрочный горизонт позволяет Казахстану гибко корректировать курс –

например, после падения цен на нефть в 2014–2015 гг. были оперативно запущены планы поддержки банковского сектора и занятости населения.

Казахстан активно сотрудничает с международными организациями в реализации своих программ. С Всемирным банком и МВФ Казахстан консультируется по вопросам фискальной политики и улучшения инвестиционного климата (формальных программ МВФ не требуется из-за достаточных резервов, но экспертиза используется). Азиатский банк развития (АБР) поддержал стремление Казахстана войти в топ-30 экономик, предоставив финансирование \$3 млрд в 2017–2021 гг. на инвестиции в диверсификацию экономики. Страна – участник китайской инициативы «Пояс и путь», в рамках которой реализуются инфраструктурные мегапроекты (железнодорожные коридоры, логистические центры) для превращения Казахстана в транзитный хаб Евразии. Как член ЕАЭС, Казахстан воплощает меры по созданию общих рынков энергии и финансов к 2025 г., что дополняет национальные усилия по интеграции в мировую экономику. Казахстан одним из первых в регионе представил Добровольный национальный обзор по Целям устойчивого развития (ЦУР) в ООН в 2019 г., продемонстрировав приверженность достижению всех 17 целей. В стране создан Координационный совет по ЦУР при правительстве, а 84% показателей ЦУР интегрированы в национальные программы. Национальные планы Казахстана находятся в русле глобальной повестки устойчивого развития.

После смены руководства в Узбекистане в 2016 году был запущен цикл быстрых реформ, призванных либерализовать экономику, снять наиболее острые ограничения и интегрировать страну в мировое хозяйство. В числе первоочередных мер – валютная реформа 2017 г. (отмена жестких ограничений на обмен валюты), сокращение налоговой нагрузки на бизнес, упрощение визового режима для инвесторов. Эти краткосрочные шаги создали базу для последующих плановых программ развития.

В 2017 г. Узбекистан сформулировал Стратегию действий по пяти приоритетным направлениям развития на 2017–2021 гг. Этот документ охватывал реформы в государственной администрации, судебной-правовой системе, экономической либерализации, развитии социальной сферы и внешней политике. За пятилетку были достигнуты значительные результаты: рост частного сектора в экономике, активизация внешней торговли (Узбекистан присоединился к Евразийскому банку развития, начал процесс вступления в ВТО), улучшение позиций в международных рейтингах (по индексу Doing Business в 2020 г. Узбекистан вошел в число стран-реформаторов). Продолжением курса стала Стратегия развития Нового Узбекистана на 2022–2026 гг., утвержденная указом Президента. Этот среднесрочный план нацелен на углубление начатых преобразований, чтобы страна смогла «догнать страны со средним достатком» и обеспечить устойчивый рост доходов населения. Стратегия 2022–2026 охватывает 7 приоритетных направлений и около 100 конкретных целей, среди которых совершенствование государственного управления (включая повышение роли местных органов – махаллей), укрепление верховенства закона и прав человека, стимулирование частного сектора и конкуренции, модернизация инфраструктуры, цифровизация экономики, улучшение образования и здравоохранения, а также экологическая устойчивость. В ходе реализации стратегии планируется увеличить экспорт до \$30 млрд к 2026 г. и довести долю частного сектора до 60% ВВП. Среднесрочные программы подкрепляются ежегодными «Государственными программами» – детализированными планами на каждый год (например, Год поддержки молодежи и укрепления здоровья – 2021, Год развития предпринимательства – 2018 и т.д.), которые содержат конкретные инициативы и инвестиционные проекты в рамках стратегии.

Опираясь на опыт вышеупомянутых стратегий и консультации с обществом, в 2023 году Узбекистан утвердил Стратегию «Узбекистан – 2030». Этот долгосрочный документ провозглашает волю народа построить «Свободный, процветающий и справедливый Новый Узбекистан» и ставит цель сформировать к 2030 г. сильную диверсифицированную экономику, интегрированную в глобальное производство, с гарантированным верховенством закона, безопасностью и стабильностью. Стратегия-2030, по сути, задаёт рамки для дальнейших реформ на ближайшее десятилетие: развитие человеческого потенциала (здоровое и образованное поколение), всесторонняя поддержка частного бизнеса и инициатив граждан, привлечение инвестиций и технологий, превращение Узбекистана в регионального лидера по экспорту промышленной и сельскохозяйственной продукции, а также обеспечение экологической

устойчивости (рациональное использование воды, переход на возобновляемую энергетику). Для реализации стратегии ежегодно принимаются Государственные программы (например, Госпрограмма 2023 года по реализации Стратегии-2030, объявленного Годом заботы о человеке и развитии предпринимательства). Таким образом, долгосрочная стратегия связывает воедино предыдущие среднесрочные планы (стратегии развития 2017–2021 и 2022–2026 гг.) и задаёт ориентиры вплоть до достижения статусу страны с уровнем доходов выше среднего к концу десятилетия.

Международное сотрудничество. Существенную роль в успехе узбекских реформ играет поддержка международных партнеров. С 2017 г. МВФ и Всемирный банк активно вовлечены как советники (МВФ осуществлял программу мониторинга политики без финансирования, помогая в либерализации валютного рынка и налоговой реформе). Всемирный банк увеличил портфель займов для Узбекистана, направив средства на модернизацию сельского хозяйства, энергетику, развитие городской инфраструктуры. АБР, ЕБРР, ИБР также кредитуют проекты в транспортной инфраструктуре, возобновляемой энергетике, поддержке малого бизнеса. Узбекистан присоединился к ряду международных инициатив: стал наблюдателем в ЕАЭС (с 2020 г.), получателем преференций GSP+ ЕС, активно участвует в Центральноеазиатском региональном экономическом сотрудничестве (ЦАРЭС) под эгидой АБР. Совместно с ООН разрабатываются программы по достижению ЦУР, например, рамочная программа ООН по сотрудничеству в области устойчивого развития. Всё это интегрирует национальные планы в международный контекст и обеспечивает финансирование и экспертную поддержку ключевых реформ.

Таджикистан определил своё видение будущего в Национальной стратегии развития (НСР) Республики Таджикистан на период до 2030 года, принятой в 2016 году. Главная цель НСР-2030 – повышение уровня жизни населения посредством устойчивого экономического развития, что развернуто в нескольких ключевых стратегических задачах. В их числе: обеспечение энергетической безопасности и эффективное использование электроэнергии (т.е. достижение самообеспечения электричеством и экспортного потенциала за счет ГЭС), достижение продовольственной безопасности (увеличение сельхозпроизводства и доступа населения к качественному питанию), расширение продуктивной занятости (создание рабочих мест и развитие частного сектора) и выход из коммуникационного тупика (преодоление географической изоляции страны через развитие транспортных коридоров и связи). Таким образом, НСР-2030 направлена на решение базовых проблем экономики Таджикистана – отсутствия выхода к морю, энергетической зависимости и бедности. Стратегия основывается на принципах устойчивого развития и концепции полной ликвидации бедности, она же служит основой для сотрудничества с международными донорами.

Для реализации НСР-2030 Таджикистан внедряет последовательные Среднесрочные программы развития (СПР). Каждая охватывает пятилетний период, увязывая текущие приоритеты с долгосрочными целями. Первая СПР охватывала 2016–2020 гг., нынешняя – СПР на 2021–2025 годы, а следующая запланирована на 2026–2030 годы. Действующая СПР-2025 ставит упор на более эффективное использование национального богатства (в т.ч. трудовых ресурсов), диверсификацию экономики и укрепление институтов. Она содержит конкретные проекты: строительство и реконструкция ГЭС (для реализации цели энергообеспечения), развитие перерабатывающей промышленности и логистики (для экспорта сельхозпродукции), улучшение инвестиционного климата для создания рабочих мест. СПР включает также меры по адаптации к изменению климата, защите окружающей среды и снижению рисков стихийных бедствий, что важно для горной страны, подверженной наводнениям и оползням. Правительство Таджикистана активно увязывает среднесрочные планы с целями ООН: так, 121 из 148 целевых показателей ЦУР учтены без изменений в национальных документах развития. Мониторинг исполнения программ проводит Министерство экономического развития и торговли, публикуя ежегодные отчеты.

Таджикистан – один из наиболее зависимых от внешней помощи государств региона, поэтому практически все его программы развиваются в тесном сотрудничестве с международными организациями. В 2000-х годах правительство при содействии МВФ и Всемирного банка реализовало несколько циклов Стратегий сокращения бедности, которые заложили основы макростабильности и восстановления экономики после гражданского

конфликта. В 2010-х годах Таджикистан получал финансовую поддержку через программы МВФ (например, ECF – расширенный кредитный механизм) для укрепления бюджета и платежного баланса. Всемирный банк и Азиатский банк развития финансируют крупные проекты, соответствующие приоритетам НСР: так, АБР инвестировал в модернизацию Нурекской ГЭС и региональные линии электропередач (для экспорта электроэнергии), Всемирный банк – в инфраструктуру автодорог и сельское хозяйство. Евразийский фонд стабилизации и развития (EFSD) предоставил льготные кредиты на поддержание устойчивости финансового сектора и строительство инфраструктуры. Таджикистан также участвует в инициативе ЦАРЭС-2030 – программе центральноазиатского регионального экономического сотрудничества до 2030 г., нацеленной на связность региона для совместного устойчивого роста. В рамках ЦАРЭС реализуются региональные проекты транспортных коридоров, упрощения торговли и обмена электроэнергией между странами. На площадке ООН Таджикистан выдвинул международную инициативу по водной тематике (обеспечение устойчивого доступа к воде и санитарии), выступая координатором Международного десятилетия действий «Вода для устойчивого развития 2018–2028». Совокупность этих программ – национальных и международных – призвана создать условия для того, чтобы Таджикистан к 2030 году превратился в страну со средним уровнем доходов и существенно снизил бедность.

Кыргызстан разработал Национальную стратегию устойчивого развития до 2040 года, утвержденную в 2018 г. Этот документ определяет долгосрочную политику государства по всем направлениям развития и служит фундаментом для более конкретных планов. Стратегия-2040 направлена на построение стабильной демократии с развитой экономикой и высоким качеством жизни, опирающейся на уникальную культуру и гражданское единство. Среди стратегических ориентиров: превращение Кыргызстана в индустриально-аграрную страну с современной перерабатывающей промышленностью, транспортным узлом между Китаем, странами ЕАЭС и Южной Азией (используя своё географическое положение), достижение энергетической независимости (развитие гидроэнергетики), широкое внедрение цифровых технологий в экономику и госуправление, а также укрепление человеческого потенциала (образование, здравоохранение) для роста производительности. Стратегия-2040 принята после всестороннего обсуждения и анализа предыдущих программ, она учитывает вызовы предстоящих десятилетий и задает целевые ориентиры, например увеличение средней продолжительности жизни, улучшение индекса человеческого развития, рост доли возобновляемой энергетики до 10%.

Для реализации стратегии-2040 разработаны поэтапные программы. Первой стала Национальная программа развития Кыргызстана до 2023 года, затем правительством Садыра Жапарова была принята Национальная программа развития до 2026 года, нацеленная на рывок в благосостоянии граждан. Под эгидой президента реализовывались «100 дневные планы» и ежегодные программы действий, позволившие достичь ряда «быстрых прорывов» к 2023 году. В 2025 году Кыргызстан утвердил следующую фазу – Национальную программу развития до 2030 года, чтобы «продолжить курс масштабных реформ и обеспечить устойчивое развитие страны в контексте новых глобальных и региональных вызовов». Программа-2030 позиционируется как стратегический документ, направленный на улучшение благосостояния граждан, достижение инклюзивного экономического роста и социальную справедливость. Она базируется на анализе достигнутых результатов и текущих вызовов, а также учитывает приоритеты долгосрочной стратегии-2040. В рамках программы-2030 определены конкретные целевые индикаторы: например, рост ВВП на душу населения до \$4500, увеличение объема ВВП до не менее \$30 млрд, обеспечение среднегодового темпа роста не ниже 8%, снижение безработицы до 5%, удержание внешнего долга не выше 60% ВВП. Достичь этих целей предполагается через четыре стратегических вектора развития экономики: индустриализация (создание современной промышленной базы, рост переработки и внедрение технологий), превращение Кыргызстана в региональный хаб торговли, логистики и транзита между Китаем, ЕАЭС и Южной Азией, развитие аграрного сектора и туризма на устойчивой основе (обеспечение продовольственной безопасности, экспортного потенциала АПК и конкурентоспособной туристической индустрии), и продвижение «зеленой энергетики» (увеличение доли возобновляемых источников, развитие гидроэнергетики для достижения энергонезависимости). Дополнительно программа предусматривает реформу госуправления и стратегического планирования, цифровизацию

экономики и услуг, развитие человеческого капитала, поддержку малого и среднего бизнеса, обеспечение макроэкономической стабильности, а также меры по адаптации к изменению климата и укреплению экологической устойчивости. Для координации выполнения программы создана система мониторинга и оценки, позволяющая при необходимости корректировать приоритеты.

Кыргызстан традиционно опирается на значительную внешнюю поддержку для выполнения своих программ развития. Страна активно сотрудничает с МВФ (многократные программы ЕСФ и экстренное финансирование, включая помощь в 2020 г. во время пандемии), со Всемирным банком (портфель инвестпроектов в энергетике, транспорте, реформе госуправления), с АБР и ЕАБР. Например, Всемирный банк в рамках Страновой стратегии партнерства на 2024–2028 гг. напрямую увязал свою поддержку с целями Национальной стратегии-2040 и среднесрочной программы развития. ЕАЭС оказывает многостороннее влияние: вступление Кыргызстана в ЕАЭС в 2015 г. открыло для него доступ к общему рынку труда (облегчив условия для трудовых мигрантов) и к финансированию инфраструктуры (через Россию и ЕФСР). Одновременно ЕАЭС предъявляет требования по гармонизации стандартов и снятию торговых барьеров, что стимулирует реформы в области технического регулирования, таможенного администрирования и т.д. Кыргызстан также получает значительные гранты от ЕС (например, на поддержку реформ образования и верховенства права, а с 2023 г. – на «зеленую» экономику и цифровизацию). ООН и доноры помогают реализовывать социальные проекты (здравоохранение, водоснабжение) и достигать ЦУР. Внешняя помощь покрывает существенную долю бюджета развития Кыргызстана, поэтому ключевые национальные программы, как правило, разработаны с учетом рекомендаций доноров и предусматривают мобилизацию внешних ресурсов наряду с внутренними.

Туркменистан, обладая значительными запасами природного газа, придерживается модели государственного управления экономикой с ориентацией на социальные гарантии. Основным стратегическим документом является Национальная программа социально-экономического развития Туркменистана до 2030 года, которая нацелена на достижение Целей устойчивого развития и определяет ориентиры развития страны на долгую перспективу. Параллельно реализуется Президентская программа социально-экономического развития на 2019–2025 гг., обеспечивающая последовательность шагов к целям 2030. Долгосрочная программа предполагает диверсификацию экономики за счет развития перерабатывающих отраслей (в том числе нефтехимии, текстильной промышленности, сельского хозяйства с применением современных технологий орошения), постепенное импортозамещение продовольствия, а также укрепление экспортного потенциала несырьевого сектора. Большое внимание уделяется социальной сфере: сохранению всеобщей бесплатной медицины и образования, программам обеспечения жильем, повышению благосостояния населения. Туркменистан заявляет о курсе на «зеленый» рост: так, в обновленном Национальном плане по климату страна взяла обязательство снизить выбросы, внедряются меры адаптации к засухам. Однако конкретные цели (например, доля ВИЭ или энергоэффективности) в национальных стратегиях до 2030 г. четко не прописаны для общего доступа.

Туркменистан традиционно ежегодно утверждает «Программу социально-экономического развития на год» (каждый год объявляется тематическим указом президента – например, 2021 год прошел как Год мира и доверия, 2022 – Год народа с Аркадагом, и т.п.). Эти годовые планы можно отнести к краткосрочным – они детализируют бюджеты, задания министерствам по введению в строй определенных объектов (заводов, дорог, жилых комплексов) и по выполнению показателей роста. Более крупными вехами выступают пятилетки: президентская программа 2019–2025 гг., предшествующая ей программа 2012–2016 гг. и т.д. Среднесрочные планы Туркменистана в первую очередь инвестиционные: благодаря доходам от газа государство финансирует масштабное строительство (новая столица Ахалского велаята – город Аркадаг, газохимические комплексы, туристическая инфраструктура в Авазе). Ожидается, что за 2019–2025 гг. будут освоены десятки миллиардов долларов инвестиций, что позволит поддерживать высокие темпы роста ВВП. Фактические показатели роста официально держатся на уровне 6% ежегодно.

Туркменистан проводит политику постоянного нейтралитета, что отражается и в специфике взаимодействия с международными организациями. Страна избегает заемного

финансирования от МВФ или Всемирного банка (последние кредиты получены в 90-е годы), полагаясь на собственные средства. Однако Туркменистан активно участвует в рамках ООН: одним из первых в регионе он адаптировал Повестку-2030 на национальном уровне, приняв все 17 ЦУР и 148 задач к ним (121 из них – без изменений, а 27 адаптированы под национальную специфику). Правительство создало рабочую группу на уровне замминистров для интеграции ЦУР в госпрограммы и мониторинга их выполнения. Туркменистан представил Добровольный национальный обзор по ЦУР в 2019 году, подтвердив приверженность принципу «никого не оставить без внимания» и равного участия всех групп населения в развитии. В партнерстве с ООН реализуется Рамочная программа ООН по сотрудничеству в области устойчивого развития на 2021–2025 гг., охватывающая модернизацию системы статистики, устойчивое управление природными ресурсами (особенно водными, в контексте Аральского моря), улучшение социальной политики. Туркменистан присоединился к Парижскому соглашению по климату и глобальной инициативе по сокращению выбросов метана (Global Methane Pledge), что должно усилить экологическую составляющую его программ (в частности, модернизация оборудования в нефтегазовом секторе для предотвращения утечек метана). В экономическом плане Туркменистан развивает сотрудничество с Китаем (основной рынок газа) и планирует международные проекты, такие как газопровод ТAPI (Туркменистан–Афганистан–Пакистан–Индия) – потенциально важный проект долгосрочного характера, способный диверсифицировать экспорт газа и принести стабильный доход на десятилетия. Однако реализация ТAPI сталкивается с геополитической нестабильностью в Афганистане. Тем не менее, Туркменистан декларирует готовность к международным инфраструктурным инициативам и региональному взаимодействию (например, выступает за создание специальной программы ООН для бассейна Аральского моря). В целом, внешние партнеры (ООН, ПРООН, ЕС) помогают Туркменистану главным образом экспертизой и технической помощью, например, в разработке методик финансирования устойчивого развития и мониторинга ЦУР, поскольку финансово страна в основном полагается на собственные ресурсы.

Обзор показывает, что каждое государство региона адаптировало совокупность программ под свои условия, однако их общая цель – обеспечить долгосрочный сбалансированный рост, опираясь на национальные приоритеты и глобальные инициативы развития.

Каждый тип программ – краткосрочные, среднесрочные и долгосрочные – играет особую роль в продвижении устойчивого и сбалансированного развития. Рассмотрим эти роли подробнее:

Краткосрочные программы (до 3 лет) как правило, направлены на оперативное решение острых проблем и стабилизацию ситуации, создавая базу для дальнейших реформ. В контексте устойчивого роста такие программы важны для смягчения внешних шоков и предотвращения откатов. Например, страны применяли краткосрочные антикризисные планы во время глобального финансового кризиса 2008–2009 гг., спада цен на сырье в 2014–2015 гг., пандемии COVID-19 в 2020 г. и санкционных потрясений. Эти планы включали меры поддержки банков и бюджета, временное стимулирование внутреннего спроса, адресную социальную помощь наиболее уязвимым слоям населения. В России краткосрочный план начала 2022 г. позволил избежать лавинообразного спада экономики, снизив урон от санкций. В Казахстане реализация однолетней программы «Дорожная карта занятости – 2020» с финансированием порядка \$1 млрд помогла создать десятки тысяч рабочих мест в инфраструктурных проектах и сдержать рост безработицы в пандемию. В Узбекистане Антикризисный фонд 2020 г. профинансировал укрепление системы здравоохранения и поддержку малого бизнеса, благодаря чему Узбекистан стал одной из немногих стран, избежавших спада в 2020 г. (рост ВВП 1,7%). В Кыргызстане и Таджикистане при ограниченных резервах краткосрочные пакеты мер опирались на внешние гранты: так, весной 2020 г. МВФ и Всемирный банк экстренно выделили средства, позволившие правительствам обеспечить бесперебойный импорт продовольствия, льготное кредитование фермеров и пособия семьям. Краткосрочные программы часто нацелены на поддержание социальной стабильности в кризис – предотвращение роста бедности, обеспечение продовольственной безопасности, – что является необходимым условием устойчивого развития. Кроме того, в стабильные периоды краткосрочные (годовые или двухлетние) программы могут фокусироваться на узких задачах – например, запуск пилотных проектов цифровизации госуслуг,

проведение аудита инвестиционного климата или адресные программы обучения безработных современным навыкам. Эти «точечные» инициативы создают быстрый эффект и могут быть далее масштабированы. Таким образом, краткосрочные программы служат «первой помощью» экономике и обществу, повышая их устойчивость перед лицом внешних и внутренних шоков и создавая предпосылки для реализации более масштабных реформ.

Среднесрочные программы (3–5 лет) являются основным инструментом реализации структурных преобразований и достижения ощутимых результатов в заданных направлениях. За 3–5 лет можно внедрить реформы и сразу скорректировать их на основе обратной связи, что делает среднесрочный горизонт оптимальным для многих задач. Такие программы обычно совпадают с политическим циклом (сроком работы правительства) и поэтому хорошо управляемы. В достижении устойчивого роста среднесрочные планы играют ключевую роль, так как позволяют планомерно продвигаться к целям диверсификации экономики, цифровизации, улучшения инвестклимата и т.д. Например, пятилетняя стратегия развития Узбекистана 2017–2021 гг. заложила основы либерализации экономики (открытие валютного рынка, снижение импортных барьеров), и уже к 2021 году ВВП страны и экспорт демонстрировали рост на широком несырьевом основании. Государственная программа «Цифровой Казахстан» (2018–2020) за короткий срок обеспечила рывок в подключении населения к интернету, развитии электронных услуг и обучении молодежи IT-навыкам, что напрямую способствует долгосрочной конкурентоспособности экономики на глобальных рынках знаний. Среднесрочные программы позволяют сконцентрироваться на диверсификации экономики – например, индустриальные программы Казахстана и Кыргызстана стимулировали создание новых производств и специальных экономических зон, увеличив долю несырьевого сектора в ВВП. В Таджикистане и Кыргызстане пятилетние планы включают меры по улучшению инвестиционного климата (реформы лицензирования, защита инвесторов), без чего сложно привлечь капитал для устойчивого роста. Еще одна важная цель среднесрочных программ – улучшение деловой среды и институтов. За 5 лет можно реформировать, к примеру, таможенное администрирование, налоговое законодательство, систему госзакупок – что и делается в рамках программ, поддержанных Всемирным банком и ЕС. Это приводит к снижению издержек бизнеса и росту инвестиций, необходимых для устойчивого развития. Цифровизация и инновации также часто продвигаются через среднесрочные национальные проекты: Россия в рамках нацпроекта «Цифровая экономика» (2019–2024) инвестирует в создание инфраструктуры связи, платформенных решений и нормативной базы для цифровых услуг, чтобы к 2024 (а теперь к 2030) году достичь высокого уровня цифровой зрелости экономики. Социальная стабильность и развитие человеческого капитала – отдельный блок среднесрочных планов. Почти все рассматриваемые страны имеют программы развития образования и здравоохранения на 5 лет, направленные на повышение качества услуг, доступности школ и больниц, повышение квалификации кадров. Например, Нацпрограмма развития образования Кыргызстана 2018–2022 фокусировалась на доступе к дошкольному образованию и возвращении в международные оценки качества (PISA), что должно улучшить навыки будущей рабочей силы. Подобные инвестиции в человеческий капитал снижают социальное неравенство и обеспечивают более инклюзивный рост. Наконец, среднесрочные программы важны для макроэкономической стабильности: правительственные среднесрочные фискальные рамки помогают поддерживать устойчивый бюджет (контроль дефицита, роста госдолга), а среднесрочные стратегии Центральных банков – удерживать инфляцию и развитие финансового сектора. Все это создает предсказуемую среду для бизнеса и общества, способствующую устойчивому развитию.

Долгосрочные программы (>5 лет) задают стратегическое видение и горизонт планирования, обеспечивая преемственность политики и согласованность усилий разных отраслей. Их главная роль – определить модель устойчивого развития и объединить вокруг нее ресурсы и участников. Такие стратегии, как «Казахстан-2050», НСР Таджикистана до 2030, Стратегия-2040 Кыргызстана, «Узбекистан-2030», выступают своеобразной «конституцией развития». Они формируют амбициозные ориентиры, например: превращение в страну с высоким уровнем доходов к определенной дате, вход в топ рейтингов (Казахстан – в 30 развитых стран, Кыргызстан – в топ-30 по достижению ЦУР, Узбекистан – в категорию стран с выше-средним доходом), ликвидация бедности, полная декарбонизация экономики к 2050–2060 гг.

(Россия, Казахстан). Эти цели придают реформам дальний прицел и мотивируют правительство не ограничиваться сиюминутными задачами. Долгосрочные стратегии также позволяют координировать политику сразу в нескольких измерениях устойчивого развития – экономическом, социальном, экологическом. К примеру, Стратегия Казахстана-2050 одновременно нацелена на экономическую модернизацию и рост «зеленой» экономики (инвестиции в возобновляемую энергетику, экологический кодекс), а Стратегия «Узбекистан-2030» уделяет равное внимание сильной экономике и верховенству права, безопасности и стабильности общества. Таким образом, долгосрочные программы интегрируют задачи роста ВВП с задачами социальной справедливости и экологической устойчивости – без этого рост не может считаться по-настоящему устойчивым. Еще одна роль долгосрочных стратегий – ориентация государственных институтов и общества на единые приоритеты. Принятие стратегии зачастую сопровождается информационной кампанией, разъясняющей гражданам видение будущего, что повышает поддержку реформ. Например, в Узбекистане Стратегия-2030 разрабатывалась с учетом предложений населения и вынесена на широкое обсуждение. В России национальные цели до 2030 закреплены указом президента, что обязывает все органы власти и регионы выстраивать свои планы в соответствии с ними. Это единое направление помогает сконцентрировать ресурсы и избежать разрозненности действий. Наконец, долгосрочные стратегии важны для привлечения инвестиций – как внутренних, так и внешних. Наличие четкого плана на десятилетия вперед снижает неопределенность для инвесторов. Международные партнеры (МВФ, Всемирный банк, ЕС) при разработке своих программ учитывают национальные стратегии: например, ЕС при планировании помощи Таджикистану на 2021–2027 гг. взял за основу НСР-2030 Таджикистана, поскольку она обеспечивает устойчивое развитие на базе энерго- и продбезопасности, занятости и развития институтов. Следовательно, долгосрочные стратегии служат «якорем» для всех среднесрочных проектов и привлекают доноров в те сферы, которые определены стратегически важными.

В совокупности разные виды программ дополняют друг друга. Краткосрочные меры реагируют на текущие вызовы и создают стабильность, среднесрочные реализуют преобразования и дают измеримый прогресс (рост несырьевого экспорта, внедрение цифровых решений, улучшение социальных показателей), а долгосрочные обеспечивают стратегическую целостность и преемственность курса на устойчивое развитие. Такая многоуровневая система планирования позволяет странам успешнее достигать целей – от повышения производительности и диверсификации экономики до улучшения благосостояния и экологической ситуации.

На горизонте ближайших лет (2025–2030 и далее) успешность долгосрочных стратегий России и стран Центральной Азии будет зависеть от их способности ответить на новые вызовы глобального и внутреннего характера – геополитические сдвиги, энергетический переход и демографические тенденции.

Продолжающаяся турбулентность в международных отношениях (санкционные режимы, торговые войны, перераспределение влияния в Евразии) требует от стран гибкости и переориентации связей. Для России геополитическая изоляция от Запада означает необходимость усиленного партнерства с Азией, Ближним Востоком, Африкой. Реализация национальных проектов в новых условиях будет опираться на импортозамещение и технологическое сотрудничество с Китаем, Индией, странами БРИКС. Это может замедлить внедрение передовых технологий (из-за ограниченного доступа к западным инновациям), но одновременно стимулирует развитие собственных компетенций и союзных научно-промышленных связей. К 2030 г. можно ожидать формирования более автономной российской экономики, менее зависимой от западных рынков – что соответствует целям устойчивости, хотя и снижает эффект от глобализации. Для Центральной Азии геополитика несет и риски, и новые возможности. С одной стороны, усиление санкционного давления на основного экономического партнера – Россию – грозит вторичными санкциями и сложностями транзита. С другой стороны, регион оказывается в центре внимания альтернативных маршрутов торговли (Средний коридор через Каспий), что уже приносит инвестиции в транспортную инфраструктуру (Турция, ЕС и Китай заинтересованы вложить). Если страны сумеют согласовать региональную политику (как, например, Узбекистан и Казахстан, создающие совместные логистические предприятия и выстраивающие единые таможенные процедуры), к 2030 регион может стать ключевым звеном между Европой и

Азией. Новые интеграционные форматы также будут влиять, ЕАЭС к 2025 стремится углубить интеграцию, однако разные скорости реформ в странах-членах могут тормозить эффект. Вероятно, к 2025 ЕАЭС реализует создание общих рынков для нефти, газа и электроэнергетики, что особенно выгодно Казахстану и Кыргызстану (получат доступ к более дешевым ресурсам и широкому рынку), но потребует компромиссов. Узбекистан, если решит присоединиться к ЕАЭС, волеется в единое экономическое пространство, что отразится на его программах (например, придется пересмотреть протекционистские меры, но расширится экспорт). Геополитическая конкуренция Китая, России, Запада и новых игроков (Турции, стран Залива) в Центральной Азии может привести к увеличению внешнего финансирования инфраструктуры и промышленных проектов – при условии, что страны будут искусно балансировать. В прогнозе можно ожидать, что наиболее политически стабильные и реформаторски привлекательные страны (Узбекистан, Казахстан) привлекут больше инвестиций, тогда как более закрытые (Туркменистан) или нестабильные (периодически Кыргызстан) могут недополучить. В целом, долгосрочные цели устойчивого роста останутся достижимыми при условии регионального сотрудничества, снижающего геополитические риски. Лидеры ЦА уже демонстрируют стремление решать вопросы совместно (саммиты Центральноазиатских государств, координация по Афганистану), что внушает осторожный оптимизм.

Глобальный тренд на декарбонизацию экономики к середине века неизбежно затронет и Россию, и Центральную Азию – регионы, пока сильно зависящие от ископаемого топлива. Россия и Казахстан к 2060 г. заявили о стремлении достигнуть углеродной нейтральности. В прогнозе до 2030 это означает перестройку энергетических секторов: больше инвестиций в возобновляемую энергетику, атомную энергетику, инфраструктуру для водорода. Казахстан уже сейчас интегрирует цели по ВИЭ в стратегии – ожидается довести их долю до 15% к 2030 г. и сократить выбросы на 15% от уровня 1990 г. Но энергетический переход несет и экономические риски: возможно постепенное снижение мирового спроса на нефть и газ после 2030 г., что особенно критично для экспортеров (Россия, Казахстан, Туркменистан). Эти страны должны ускоренно искать новые драйверы роста вне углеводородов. Казахстан и Россия имеют шансы – за счет диверсификации и развития несырьевого экспорта, если успеют модернизировать промышленность. Туркменистан сложнее – экономика слишком концентрирована на газе, поэтому долгосрочная устойчивость под вопросом, если газ потеряет ценность (впрочем, газ может считаться «переходным топливом» еще пару десятилетий). Страны с гидропотенциалом (Таджикистан, Кыргызстан) могут выиграть от энергоперехода – к 2030 спрос на их чистую электроэнергию может вырасти (соседи будут покупать для компенсации своих выбросов). Уже сейчас ведутся проекты CASA-1000 (экспорт электроэнергии с ГЭС Средней Азии в Южную) и планы регионального энергорынка. Если реализуются, это даст приток валюты и стимул строить новые ГЭС, что вписывается в цели устойчивого роста (чистая энергия, индустриализация). Климатические изменения (таяние ледников, засухи) представляют для региона серьезную угрозу агросектору и водоснабжению. Устойчивость долгосрочных программ будет проверяться способностью адаптироваться: Кыргызстан и Таджикистан уже закладывают в стратегии меры адаптации (например, лесовосстановление, новые водохранилища), но нужно масштабировать. Международное финансирование климатических проектов (Зеленый климатический фонд и др.) вероятно увеличится, и странам следует активнее его привлекать в 2025–2030 гг. – это поддержит и их экономику, и экосистемы.

В области демографии контрасты: население Центральной Азии быстро растет, в то время как Россия переживает стагнацию и снижение численности трудоспособного населения. Согласно прогнозам ООН, к 2050 г. население ЦА увеличится на 40%, причем в Узбекистане и Таджикистане – почти в 1,5 раза, а население России без учета миграции может сократиться. Для центральноазиатских стран демографический «бонус» – большая доля молодежи – может стать драйвером роста при условии создания рабочих мест и инвестиций в образование. В противном случае молодежная безработица грозит социальными проблемами. Программы развития до 2030 г. учитывают это, Узбекистан ставит задачу ежегодно создавать по 300-400 тыс. рабочих мест, развивая МСП и привлекая инвесторов в трудоемкие отрасли (текстиль, строительство). Таджикистан и Кыргызстан, осознавая, что не смогут удержать весь избыток рабочей силы, делают ставку на обучение молодежи профессиям, востребованным за рубежом, и облегчение

трудовой миграции (чтобы снизить безработицу дома и увеличить ремитансы). В долгосрочном плане, однако, бесконечная миграция – не решение, поэтому к 2030 г. эти страны надеются запустить достаточное число промышленных объектов (ОЭЗ, гидроэнергетика, добыча полезных ископаемых), чтобы трудоустроить значительную часть молодежи у себя. Если удастся мобилизовать их потенциал (что потребует улучшения инвестклимата и региональной стабильности), демография станет фактором экономического роста – как это было в Юго-Восточной Азии. Для России же демография – один из самых сложных вызовов: старение населения и отток молодых специалистов (эмиграция) могут замедлить рост производительности и инноваций. Национальные цели предусматривают увеличение рождаемости и привлечение мигрантов. К 2030 Россия планирует стабилизировать численность населения за счет мер поддержки семей (материнский капитал, льготная ипотека) и стимулирования переселения соотечественников из зарубежья. Также активно привлекаются рабочие из ЦА на стройки, сельское хозяйство – что, к слову, частично смягчает проблему безработицы у соседей. Если эти меры сработают, Россия сможет частично компенсировать демографический спад и обеспечить кадрами свои программы развития (особенно инфраструктурные и технологические проекты). В противном случае в 2030-х годах ощущение нехватки трудовых ресурсов станет острым тормозом (уже сейчас без притока мигрантов многие нацпроекты буксуют из-за нехватки рабочих рук).

Страны, вероятно, будут корректировать свои долгосрочные стратегии, учитывая новые реалии. Казахстан уже инициировал разработку Доктрины низкоуглеродного развития, Узбекистан – Стратегию климатической адаптации, Кыргызстан – обновил НПР-2030, Россия – смещает акцент на технологическую самостоятельность. Можно ожидать, что к 2030 г. успешнее всего реализуют свои программы те государства, которые сумеют диверсифицировать экономику и партнеров. По текущим тенденциям, Узбекистан и Казахстан выглядят наиболее адаптивными – у них относительно сбалансированная внешняя политика, реформаторские экономики и демографический потенциал. Их рост, по прогнозам, хоть и немного замедлится, но останется сравнительно высоким (например, Узбекистан 5–6%, Казахстан 4–5% ежегодно). Таджикистан и Кыргызстан сохраняют высокий потенциал роста (5–7%), но рискуют из-за долговой нагрузки и зависимости от внешних факторов – им критично развивать внутренний частный сектор. Россия в ближайшие годы может пройти через период перестройки экономики, с более умеренными темпами роста (2–3%), однако при успешном импортозамещении и переориентации на дружеские рынки к концу десятилетия рост может ускориться. Туркменистан – наиболее закрытая экономика – вероятно, продолжит показывать стабильный статистический рост 6%, однако без реформ рискует столкнуться с шоком, если цены на газ упадут или глобальный спрос сократится. В социальном плане во всех странах все больше внимания уделяется социальной защите и справедливости – урок пандемии и глобальных кризисов показал важность поддержки населения. Это значит, что программы будут нацелены на инклюзивность, сокращение неравенства (что видно на примере новых целей Кыргызстана-2030 по социальной справедливости).

Заключение

В итоге, роль государственных и международных программ развития в обеспечении сбалансированного роста останется центральной. Глобализация ставит перед ними планку – соответствовать лучшим мировым практикам – и одновременно заставляет предусматривать механизмы защиты от внешних потрясений. Страны России и Центральной Азии, обладая разными условиями, идут своими путями, но все стремятся к устойчивому развитию, подразумевающему гармоничное сочетание экономического прогресса, социальной стабильности и экологической ответственности. Долгосрочные стратегии этих стран, подкрепленные среднесрочными и краткосрочными действиями, – это дорожные карты к такому будущему, и их успешная реализация зависит от умения адаптироваться к переменам и сотрудничать в рамках глобального сообщества.

Рассмотренные кратко-, средне- и долгосрочные программы развития продемонстрировали различную эффективность в обеспечении устойчивого роста. Наибольший институциональный потенциал реализуется через комплексные долгосрочные стратегии, но в большинстве стран

региона наблюдается разрыв между целями и механизмами реализации. Отмечены риски фрагментации, популизма и внешней зависимости, особенно в Кыргызской Республике и Таджикистане. Институциональное несоответствие между формой и содержанием стратегий остаётся барьером для устойчивого роста и требует усиления правоприменения, прозрачности и подотчётности.

Можно сделать вывод, что устойчивый рост в регионе возможен лишь при комплексном институциональном обновлении: синхронном укреплении формальных институтов, трансформации неформальных практик и выстраивании институциональной совместимости в рамках региональной интеграции.

Литература

1. Бобоев Г.Г. Моделирование влияния институциональных проблем рыночной трансформации на экономический рост народнохозяйственной системы / Под ред. к.ф.-м.н., доцента К.Х. Зоидова; д.э.н., профессора С.И. Борталевич. – М.: ИПР РАН, 2024. – 260 с.
2. Бобоев Г.Г. Моделирование влияния эволюционно-институциональных основ обеспечения глобализации на процессы экономического роста России и стран Центральной Азии в условиях нестабильности / Под ред. к.ф.-м.н., доцента К.Х. Зоидова; д.э.н., профессора С.И. Борталевич. – М.: ИПР РАН, 2024.
3. Бобоев Г.Г. Эволюционно-институциональные проблемы рыночной трансформации и их влияние на экономический рост постсоциалистических стран в глобализирующемся мире / Под ред. к.ф.-м.н., доцента К.Х. Зоидова; д.э.н., профессора С.И. Борталевич. – М.: ИПР РАН, 2024. – 244 с.
4. Есентугелов А. Устойчивый экономический рост и экономическая безопасность Казахстана: проблемы и перспективы // Национальные экономические интересы и отношения собственности в условиях глобализации / под ред. А. Кошанова. – Алматы: ИЭ МОН РК, 2005. – С.120.
5. Захарьев Я.О. Перспективы альтернативных проектов экономического развития Центральной Азии в 2018-2025 гг // Экономика Центральной Азии. – 2017. – № 4. – с. 173-178.
6. Зоидов К.Х. Эволюционно-институциональный подход и методология проведения антикризисных мероприятий в переходной экономике // Экономика и математические методы. 2004. Т. 40. № 3. С. 16-32.
7. Зоидов К.Х. Эволюционно-институциональный подход при исследовании и измерениях неравновесных процессов эволюции социально-экономических систем / К.Х. Зоидов. – 3-е изд., исп. и доп. / Под ред. чл.-корр. РАН В.А. Цветкова. – М.: ИПР РАН, 2023. – 517 с.
8. Зоидов К.Х. Эволюционный подход и его значение для развития экономической системы в постсоветских странах // Экономика и математические методы. 2009. Т. 45. № 2. С. 96-112.
9. Зоидов К.Х. Экономическая эволюция и эволюционная экономика. – Москва: ИПР РАН, 2003.-159 с.
10. Индекс глобализации. - URL: <https://kof.ethz.ch/> (дата обращения 25.05.2025). - Текст: электронный.
11. Индекс глобальной конкурентоспособности. - URL: <https://www.weforum.org> (дата обращения 14.06.2025). - Текст: электронный.
12. Инфраструктура Евразии: краткосрочные и среднесрочные тренды. Доклад Евразийского банка развития, 20.03.2024. <https://eabr.org/analytics/special-reports/infrastruktura-evrazii-kratkosrochnye-i-srednesrochnye-trendy/>.
13. Кайгородцев А.А. Экономическая безопасность Казахстана в условиях турбулентности мировой экономики // Фундаментальные исследования. – 2017. – № 7. – С. 136-140; URL: <http://www.fundamental-research.ru/ru/article/view?id=41599> (дата обращения: 19.02.2021).
14. Махмудова Л.Ш. Совершенствование системы экономико-правового регулирования и управления процессом становления и развития института частной собственности в России. М.: ИПР РАН, 2002. 407 с.

15. Россия и Казахстан: «дорожная карта» до 2030 года. Каспийский институт стратегических исследований, 12.10.2023. <https://caspien.institute/product/sector-kazahstanakisi/rossiya-i-kazahstan-dorozhnaya-karta-do-2030-goda-38498.shtml>.
16. Россия и постсоветские страны: вопросы экономических отношений: коллективная монография / отв. ред. А.Г. Пылин. – М.: ИЭ РАН, 2021. – 232 с.
17. Сводные данные потребительских индикаторов по РФ: на основе материалов Росстата, Центробанка РФ и исследований Romir (декабрь 2023 – январь 2024 гг.) [Электронный ресурс]. – URL: <https://romir.ru/studies/>, <https://www.cbr.ru/>, <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 20.06.2025).
18. Содружество Независимых Государств: текущая ситуация и задачи на будущее. Каспийский институт стратегических исследований, 28.12.2023. <https://caspien.institute/product/solozobov-yurij/sodruzhestvo-nezavisimyh-gosudarstv-tekushchaya-situaciya-i-zadachi-na-budushchee-38649.shtml>.
19. Экономический обозреватель Валентин Трапезников озвучил данные о росте экономических показателей страны за 2024 год. <https://centralasia.news/32408-v-turkmenistane-dinamika-jekonomiki-pokazala-znachitelnyj-rost.html>
20. Freedom Finance Global. Индексы потребительского доверия, инфляционные и девальвационные ожидания в странах Центральной Азии (Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан, Таджикистан): результаты седьмого месяца наблюдений, январь 2024 г. [Электронный ресурс] // Freedom Finance Global. – URL: <https://ffin.kz/analytics/> (дата обращения: 20.06.2025).
21. Daniyar Orazbayev Consumer confidence in Central Asia in January 2024: Further positive growth Published February 22, 2024 <https://kz.kursiv.media/en/2024-02-22/consumer-confidence-in-central-asia-in-january-2024-further>.

References

1. Boboev G.G. Modeling the impact of institutional problems of market transformation on the economic growth of the national economic system / Under the editorship of PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor K.Kh. Zoidov; Doctor of Sci. (Econ.), Professor S.I. Bortalevich. – М.: MEI RAS, 2024. – 260 p.
2. Boboev G.G. Modeling the impact of the evolutionary and institutional foundations of globalization on the processes of economic growth in Russia and Central Asian countries in conditions of instability / Under the editorship of PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor K.Kh. Zoidov. Doctor of Sci. (Econ.), Professor S.I. Bortalevich. – М.: MEI RAS, 2024.
3. Boboev G.G. Evolutionary and institutional problems of market transformation and their impact on the economic growth of post-socialist countries in a globalizing world / Under the editorship of PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor K.Kh. Zoidov. Doctor of Sci. (Econ.), Professor S.I. Bortalevich. – М.: MEI RAS, 2024. – 244 p.
4. Esentugelov A. Sustainable economic growth and economic security of Kazakhstan: problems and prospects // National economic interests and property relations in the context of globalization / ed. by A. Koshanov. Almaty: IE MES RK, 2005, p. 120.
5. Zakhariev Ya.O. Prospects of alternative projects for the economic development of Central Asia in 2018-2025 // Economics of Central Asia. – 2017. – No. 4. – pp. 173-178.
6. Zoidov K.Kh. Economic evolution and evolutionary economics. – Moscow: MEI RAS, 2003. – 159 p.
7. Zoidov K.Kh. The evolutionary-institutional approach and methodology of anti-crisis measures in the transition economy // Economics and mathematical methods. 2004. Vol. 40. No. 3. pp. 16-32.
8. Zoidov K.Kh. An evolutionary-institutional approach to the study and measurement of non-equilibrium processes of the evolution of socio-economic systems / K.Kh. Zoidov. – 3rd edition, corrected and expanded / Edited by Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences V.A. Tsvetkov. – М.: MEI RAS, 2023. – 517 p.
9. Zoidov K.Kh. The evolutionary approach and its significance for the development of the economic system in post-Soviet countries // Economics and mathematical methods. 2009. Vol. 45. No. 2. pp. 96-112.

10. The Globalization Index. - URL: <https://kof.ethz.ch/> (accessed 05/25/2025). - Text: electronic.
11. Global Competitiveness Index. - URL: <https://www.weforum.org> (accessed 06/14/2025). - Text: electronic.
12. Eurasian infrastructure: short- and medium-term trends. Report of the Eurasian Development Bank, 03/20/2024. <https://eabr.org/analytics/special-reports/infrastruktura-evrazii-kratkosrochnye-i-srednesrochnye-trendy/>.
13. Kaigorodtsev A.A. Economic security of Kazakhstan in the conditions of turbulence of the world economy // Fundamental research. – 2017. – No. 7. – pp. 136-140; URL: <http://www.fundamental-research.ru/ru/article/view?id=41599> (date of reference: 02/19/2021).
14. Makhmudova L.Sh. Improving the system of economic and legal regulation and management of the process of formation and development of the Institute of private property in Russia. Moscow: MEI RAS, 2002. 407 p.
15. Russia and Kazakhstan: a roadmap to 2030. Caspian Institute for Strategic Studies, 12.10.2023. <https://caspian.institute/product/sector-kazahstana-kisi/rossiya-i-kazahstan-dorozhnaya-karta-do-2030-goda-38498.shtml>.
16. Russia and post-Soviet countries: issues of economic relations: a collective monograph / ed. by A.G. Pylin, Moscow: IE RAS, 2021, 232 p.
17. Summary data of consumer indicators for the Russian Federation: based on materials from Rosstat, the Central Bank of the Russian Federation and Romir research (December 2023 – January 2024) [Electronic resource]. – URL: <https://romir.ru/studies/>, <https://www.cbr.ru/>, <https://rosstat.gov.ru/> (date of reference: 06/20/2025).
18. The Commonwealth of Independent States: the current situation and tasks for the future. Caspian Institute for Strategic Studies, 12/28/2023. <https://caspian.institute/product/solozobov-yurij/sodruzhestvo-nezavisimyh-gosudarstv-tekushchaya-situaciya-i-zadachi-na-budushchee-38649.shtml>.
19. Economic commentator Valentin Trapeznikov announced data on the growth of the country's economic indicators for 2024. <https://centralasia.news/32408-v-turkmenistane-dinamika-jekonomiki-pokazala-znachitelnyj-rost.html>
20. Freedom Finance Global. Consumer confidence indices, inflation and devaluation expectations in Central Asian countries (Kazakhstan, Uzbekistan, Kyrgyzstan, Tajikistan): the results of the seventh month of observations, January 2024 [Electronic resource] // Freedom Finance Global. – URL: <https://ffin.kz/analytics/> (date of access: 06/20/2025).
21. Daniyar Orazbayev Consumer confidence in Central Asia in January 2024: Further positive growth Published February 22, 2024 <https://kz.kursiv.media/en/2024-02-22/consumer-confidence-in-central-asia-in-january-2024-further>.

Об авторах

Зоилов Кобилжон Ходжиевич, кандидат физико-математических наук, доцент, руководитель Лаборатории моделирования евразийской интеграции и мирохозяйственных процессов, Центральный экономико-математический институт РАН, Москва.

Бобоев Гуломжон Гапуржонович, кандидат экономических наук, соискатель докторантуры Института проблем рынка РАН, Москва.

About authors

Kobiljon Kh. Zoidov, Candidate of Sci. (Phys.&Math.), Associate Professor, Head of the Laboratory for Modeling Eurasian Integration and Global Economic Processes, Central Economics and Mathematics Institute of RAS, Moscow.

Gulomjon G. Boboev, Candidate of Sci. (Econ.), doctoral candidate of the Market Economy Institute of RAS, Moscow.